

Л. Писемной

Детство Никиты

Читаем всей семьёй

Алексей Толстой
Детство Никиты

«ЭНАС»

УДК 82-3
ББК 84-44

Толстой А. Н.

Детство Никиты / А. Н. Толстой — «ЭНАС», — (Читаем всей семьёй)

ISBN 978-5-91921-704-6

Девятилетний барчук Никита живет в поместье отца. Мальчик взрослеет в деревенской среде, окруженный озорными сверстниками. Он постепенно постигает азы дружбы и верности, отваги и достоинства, чести и преданности - то есть учится быть настоящим человеком. И, главное, его окутывает атмосфера такого безотчетного счастья, какое бывает только в детстве... Светлая и немного ностальгическая повесть классика русской литературы по праву считается одной из лучших отечественных книг для детей. Читайте всей семьей!

УДК 82-3

ББК 84-44

ISBN 978-5-91921-704-6

© Толстой А. Н.

© ЭНАС

Содержание

Предисловие от издательства	5
Солнечное утро	7
Аркадий Иванович	8
Сугробы	10
Таинственное письмо	12
Сон	14
Старый дом	16
У колодца	18
Битва	22
Чем окончился скучный вечер	25
Виктор и Лилия	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Алексей Толстой

Детство Никиты

Предисловие от издательства

Алексей Николаевич Толстой родился 29 декабря 1882 года (10 января 1883 года по новому стилю) в городе Николаевске Самарской губернии в семье помещика. Детство он провел на хуторе Сосновка под Самарой, принадлежавшем отчиму писателя – Алексею Бострому. Первоначальное образование мальчик получил дома под руководством приглашенного учителя.

В 1897 году семья переехала в Самару. Здесь Алеша окончил реальное училище и в 1901 году отправился в Петербург. Поступив на отделение механики Технологического института, он начал писать первые стихи. В 1907 году, незадолго до защиты диплома, юноша оставил институт, решив полностью посвятить себя литературному труду. Известность начинающему писателю принесли реалистические рассказы и повести из жизни разоряющегося помещного дворянства, высоко оцененные Максимом Горьким.

Во время Первой мировой войны Толстой работал военным корреспондентом газеты «Русские ведомости». После поездок на фронт опубликовал серию очерков и рассказов о войне.

Октябрьскую революцию 1917 года Толстой воспринял враждебно. В 1919 году он эмигрировал, но через четыре года вернулся в СССР, где и прожил до самой смерти (1945).

Талант А. Н. Толстого сочетался с удивительным трудолюбием: он работал не покладая рук на протяжении четырех десятилетий и оставил потомкам рассказы, стихи, романы и пьесы, киносценарии, многочисленные очерки и статьи.

Повесть «Детство Никиты» была написана в эмиграции в 1922 году. В ней Толстой воссоздал безмятежную жизнь дворянской семьи, живущей в поместье, удивительно точно передал то безотчетное счастье, то наслаждение жизнью, какое бывает только в детстве. Эти чувства испытывает главный герой повести – мальчик Никита...

Светлая и немного ностальгическая повесть по праву считается одной из лучших русских книг для детей.

Солнечное утро

Моему сыну

Никите Алексеевичу Толстому

с глубоким уважением посвящаю.

Автор

Никита вздохнул, просыпаясь, и открыл глаза. Сквозь морозные узоры на окнах, сквозь чудесно расписанные серебром звезды и лапчатые листья светило солнце. Свет в комнате был снежно-белый. С умывальной чашки скользнул зайчик и дрожал на стене.

Открыв глаза, Никита вспомнил, что вчера вечером плотник Пахом сказал ему:

– Вот я ее смажу да полью хорошенько, а ты утром встанешь, – садись и поезжай.

Вчера к вечеру Пахом, кривой и рябой мужик, смастерил Никите, по особенной его просьбе, скамейку. Делалась она так:

В каретнике, на верстаке, среди кольцом закрученных, пахучих стружек Пахом выстрогал две доски и четыре ножки; нижняя доска с переднего края – с носа – срезанная, чтобы не заедалась в снег; ножки точеные; в верхней доске сделаны два выреза для ног, чтобы ловчее сидеть. Нижняя доска обмазывалась коровьим навозом и три раза поливалась водой на морозе, – после этого она делалась как зеркало, к верхней доске привязывалась веревочка – возить скамейку, и когда едешь с горы, то править.

Сейчас скамейка, конечно, уже готова и стоит у крыльца. Пахом такой человек: «Если, говорит, что я сказал – закон, сделаю».

Никита сел на край кровати и прислушался – в доме было тихо, никто еще, должно быть, не встал. Если одеться в минуту, безо всякого, конечно, мытья и чищения зубов, то через черный ход можно удрать на двор. А со двора – на речку. Там на крутых берегах намело сугробы, – садись и лети...

Никита вылез из кровати и на цыпочках прошелся по горячим солнечным квадратам на полу...

В это время дверь приотворилась, и в комнату просунулась голова в очках, с торчащими рыжими бровями, с ярко-рыжей бородкой. Голова подмигнула и сказала:

– Встаешь, разбойник?

Аркадий Иванович

Человек с рыжей бородкой – Никитин учитель, Аркадий Иванович, все пронюхал еще с вечера и нарочно встал пораньше. Удивительно расторопный и хитрый был человек этот Аркадий Иванович. Он вошел к Никите в комнату, посмеиваясь, остановился у окна, подышал на стекло и, когда оно стало прозрачное, поправил очки и поглядел на двор.

– У крыльца стоит, – сказал он, – замечательная скамейка.

Никита промолчал и насупился. Пришлось одеться и вычистить зубы, и вымыть не только лицо, но и уши и даже шею. После этого Аркадий Иванович обнял Никиту за плечи и повел в столовую. У стола за самоваром сидела матушка в сером теплом платье. Она взяла Никиту за лицо, ясными глазами взглянула в глаза его и поцеловала.

– Хорошо спал, Никита?

Затем она протянула руку Аркадию Ивановичу и спросила ласково:

– А вы как спали, Аркадий Иванович?

– Спать-то я спал хорошо, – ответил он, улыбаясь непонятно чему, в рыжие усы, сел к столу, налил сливок в чай, бросил в рот кусочек сахара, схватил его белыми зубами и подмигнул Никите через очки.

Аркадий Иванович был невыносимый человек: всегда веселился, всегда подмигивал, не говорил никогда прямо, а так, что сердце екало. Например, кажется, ясно спросила мама: «Как вы спали?» Он ответил: «Спать-то я спал хорошо», – значит, это нужно понимать: «А вот Никита хотел на речку удрать от чая и занятий, а вот Никита вчера вместо немецкого перевода просидел два часа на верстаке у Пахома».

Аркадий Иванович не жаловался никогда, это правда, но зато Никите все время приходилось держать ухо востро.

За чаем матушка сказала, что ночью был большой мороз, в сенях замерзла вода в кадке и когда пойдут гулять, то Никите нужно надеть башлык¹.

– Мама, честное слово, страшная жара, – сказал Никита.

¹ Башлык – капюшон, надеваемый поверх шапки.

– Прошу тебя надеть башлык.

– Щеки колет и душит, я, мама, хуже простужусь в башлыке.

Матушка молча взглянула на Аркадия Ивановича, на Никиту, голос у нее дрогнул:

– Я не знаю, в кого ты стал неслухом.

– Идем заниматься, – сказал Аркадий Иванович, встал решительно и быстро потер руки, будто бы на свете не было большего удовольствия, как решать арифметические задачи и диктовать пословицы и поговорки, от которых глаза слипаются.

В большой пустой и белой комнате, где на стене висела карта двух полушарий, Никита сел за стол, весь в чернильных пятнах и нарисованных рожицах. Аркадий Иванович раскрыл задачник.

– Ну-с, – сказал он бодро, – на чем остановились? – И отточенным карандашиком подчеркнул номер задачи.

«Купец продал несколько аршин синего сукна по 3 рубля 64 копейки за аршин и черного сукна...» – прочел Никита. И сейчас же, как и всегда, представился ему этот купец из задачника. Он был в длинном пыльном сюртуке, с желтым унылым лицом, весь скучный и плоский, высохший. Лавочка его была темная, как щель; на пыльной плоской полке лежали два куса сукна; купец протягивал к ним тощие руки, снимал куски с полки и глядел тусклыми, неживыми глазами на Никиту,

– Ну, что же ты думаешь, Никита? – спросил Аркадий Иванович. – Всего купец продал восемнадцать аршин. Сколько было продано синего сукна и сколько черного?

Никита сморщился, купец совсем расплющился, оба куса сукна вошли в стену, завернулись пылью...

Аркадий Иванович сказал: «Ай-ай!» – и начал объяснять, быстро писал карандашом цифры, помножал их и делил, повторяя: «Одна в уме, две в уме». Никите казалось, что во время умножения «одна в уме» или «две в уме» быстро прыгали с бумаги в голову и там щеко-тали, чтобы их не забыли. Это было очень неприятно. А солнце искрилось в двух морозных окошках классной, выманивало: «Пойдем на речку».

Наконец с арифметикой было покончено, начался диктант. Аркадий Иванович заходил вдоль стены и особым, сонным голосом, каким никогда не говорят люди, начал диктовать:

– «...Все животные, какие есть на земле, постоянно трудятся, работают. Ученик был послушен и прилежен...»

Высунув кончик языка, Никита писал, перо скрипело и брызгало.

Вдруг в доме хлопнула дверь и послышалось, как по коридору идут в мерзлых валенках. Аркадий Иванович опустил книжку, прислушиваясь. Радостный голос матушки воскликнул неподалеку:

– Что, почту привезли?

Никита совсем опустил голову в тетрадку, – так и подмывало засмеяться.

– Послушен и прилежен, – повторил он нараспев, – «прилежен» я написал.

Аркадий Иванович поправил очки.

– Итак, все животные, какие есть на земле, послушны и прилежны... Чего ты смеешься?.. Кляксу посадил?.. Впрочем, мы сейчас сделаем небольшой перерыв.

Аркадий Иванович, поджав губы, погрозил длинным, как карандаш, пальцем и быстро вышел из классной. В коридоре он спросил у матушки:

– Александра Леонтьевна, что – письмаца мне нет? Никита догадался, от кого он ждет письмаца. Но терять времени было нельзя. Никита надел короткий полушубок, валенки, шапку, засунул башлык под комод, чтобы не нашли, и выбежал на крыльцо.

Сугробы

Широкий двор был весь покрыт сияющим, белым, мягким снегом. Синели на нем глубокие человечесьи и частые собачьи следы. Воздух, морозный и тонкий, защипал в носу, иголочками уколол щеки. Каретник, сарай и скотные дворы стояли приземистые, покрытые белыми шапками, будто выросли в снег. Как стеклянные, бежали следы полозьев от дома через весь двор.

Никита сбежал с крыльца по хрустящим ступеням. Внизу стояла новенькая сосновая скамейка с мочальной витой веревкой. Никита осмотрел – сделано прочно, попробовал – скользит хорошо, взвалил скамейку на плечо, захватил лопатку, думая, что понадобится, и побежал по дороге вдоль сада к плотине. Там стояли огромные, чуть не до неба, широкие ветлы, покрытые инеем, – каждая веточка была точно из снега.

Никита повернул направо, к речке, и старался идти по дороге, по чужим следам, в тех же местах, где снег был нетронутый, чистый, – Никита шел задом наперед, чтобы отвести глаза Аркадию Ивановичу.

На крутых берегах реки Чагры намело за эти дни большие пушистые сугробы. В иных местах они свешивались мысами над речкой. Только стань на такой мыс – и он ухнет, сядет, и гора снега покатится вниз в облаке снежной пыли.

Направо речка вилась синеватой тенью между белых и пустынных полей. Налево, над самой кручей, чернели избы, торчали журавли деревни Сосновки. Синие высокие дымки поднимались над крышами и таяли. На снежном обрыве, где желтели пятна и полосы от золы, которую сегодня утром выгребли из печек, двигались маленькие фигурки. Это были Никитины приятели – мальчишки с «нашего конца» деревни. А дальше, где речка загибалась, едва виднелись другие мальчишки, «кончанские», очень опасные. Никита бросил лопату, опустил скамейку на снег, сел на нее верхом, крепко взялся за веревку, оттолкнулся ногами раза два, и скамейка сама пошла с горы. Ветер засвистал в ушах, поднялась с двух сторон снежная пыль. Вниз, все вниз, как стрела. И вдруг там, где снег обрывался над кручей, скамейка пронеслась по воздуху и скользнула на лед. Пошла тише, тише и стала.

Никита засмеялся, слез со скамейки и потащил ее на гору, увязая по колено. Когда же он взобрался на берег, то невдалеке, на снежном поле, увидел черную, выше человеческого роста,

как показалось, фигуру Аркадия Ивановича. Никита схватил лопату, бросился на скамейку, слетел вниз и побежал по льду к тому месту, где сугробы нависали мысом над речкой.

Взобравшись под самый мыс, Никита начал копать пещеру. Работа была легкая, – снег так и резался лопатой. Вырыв пещерку, Никита влез в нее, втащил скамейку и изнутри стал закладываться комьями. Когда стенка была заложена, в пещерке разлился голубой полусвет, – было уютно и приятно.

Никита сидел и думал, что ни у кого из мальчишек нет такой чудесной скамейки. Он вынул перочинный ножик и стал вырезать на верхней доске имя – «Вевит».

– Никита! Куда ты провалился? – услышал он голос Аркадия Ивановича.

Никита сунул ножик в карман и посмотрел в щель между комьями. Внизу, на льду, стоял, задрав голову, Аркадий Иванович.

– Где ты, разбойник?

Аркадий Иванович поправил очки и полез к пещерке, но сейчас же увяз по пояс.

– Вылезай, все равно я тебя оттуда вытащу.

Никита молчал, Аркадий Иванович попробовал лезть выше, но опять увяз, сунул руки в карманы и сказал:

– Не хочешь, не надо. Оставайся. Дело в том, что мама получила письмо из Самары... Впрочем, прощай, я ухожу...

– Какое письмо? – спросил Никита.

– Ага! Значит, ты все-таки здесь.

– Скажите, от кого письмо?

– Письмо насчет приезда одних людей на праздники.

Сверху сейчас же полетели комья снега. Из пещерки высунулась голова Никиты. Аркадий Иванович весело засмеялся.

Таинственное письмо

За обедом матушка прочла, наконец, это письмо. Оно было от отца.

– «Милая Саша, я купил то, что мы с тобой решили подарить одному мальчику, который, по-моему, вряд ли заслуживает того, чтобы эту прекрасную вещь ему подарили. – При этих словах Аркадий Иванович страшно начал подмигивать. – Вещь эта довольно большая, поэтому пришли за ней лишнюю подводу. А вот и еще новость, – на праздники к нам собирается Анна Аполлосовна Бабкина с детьми...»

– Дальше не интересно, – сказала матушка и на все вопросы Никиты только закрывала глаза и качала головой:

– Ничего не знаю.

Аркадий Иванович тоже молчал, разводил руками: «Ничего не знаю». Да и вообще весь этот день Аркадий Иванович был чрезмерно весел, отвечал невпопад и нет-нет – да и вытаскивал из кармана какое-то письмецо, прочитывал строчки две из него и морщил губы. Очевидно, и у него была своя тайна.

В сумерки Никита побежал через двор к людской, откуда на лиловый снег падал свет двух замерзших окошек. В людской ужинали. Никита свистнул три раза. Через минуту появился его главный приятель, Мишка Коряшонок, в огромных валенках, без шапки, в накинутах полушубке. Здесь же, за углом людской, Никита шепотом рассказал ему про письмо и спрашивал, какую такую вещь должны привезти из города.

Мишка Коряшонок, постукивая зубами от холода, сказал:

– Непременно что-нибудь громадное, лопни мои глаза. Я побегу, холодно. Слушай-ка, – завтра на деревне кончанских ребят бить хотим. Пойдешь, а?

– Ладно.

Никита вернулся домой и сел читать «Всадника без головы».

За круглым столом под большой лампой сидели с книгами матушка и Аркадий Иванович. За большой печью – тр-тр, тр-тр – пилил деревяшечку сверчок. Потрескивала в соседней темной комнате половица.

Всадник без головы мчался по прерии, – хлестала высокая трава, всходил красный месяц над озером. Никита чувствовал, как волосы у него шевелятся на затылке. Он осторожно обернулся – за черными окнами пронеслась какая-то сероватая тень. Честное слово, он ее видел. Матушка сказала, подняв голову от книги:

– Ветер поднялся к ночи, будет буран.

Сон

Никита увидел сон, – он снился ему уже несколько раз, все один и тот же.

Легко, неслышно отворяется дверь в зал. На паркете лежат голубоватые отражения окон. За черными окнами висит луна – большим светлым шаром. Никита влез на ломберный² столик в простенке между окнами и видит:

Вот напротив, у белой, как мел, стены, качается круглый маятник в высоком футляре часов, качается, отсвечивает лунным светом. Над часами, на стене, в раме висит строгий старичок с трубкой, сбоку от него – старушка, в чепце и шали, и смотрит, поджав губы. От часов до угла, вдоль стены, вытянули руки, присели, на четырех ногах каждое, широкие полосатые кресла. В углу расселся раскорякой низкий диван. Сидят они без лица, без глаз, выпучились на луну, не шевелятся.

Из-под дивана, из-под бахромы, вылезает кот. Потянулся, прыгнул на диван и пошел, черный и длинный. Идет, опустил хвост. С дивана прыгнул на кресла, пошел по креслам вдоль стены, пригибается, пролезает под ручками. Дошел до конца, спрыгнул на паркет и сел перед часами, спиной к окошкам. Маятник качается, старичок и старушка строго смотрят на кота. Тогда кот поднялся, одной лапой оперся о футляр и другой лапой старается остановить маятник. А стекла-то в футляре нет. Вот-вот достанет лапой.

Ох, закричать бы! Но Никита пальцем не может пошевелить, – не шевелится, – и страшно, страшно, – вот-вот будет беда...

Лунный свет неподвижно лежит длинными квадратами на полу. Все в зале затихло, присело на ножках. А кот вытянулся, нагнул голову, прижал уши и достает лапой маятник. И

² Ломберный – предназначенный для игры в карты.

Никита знает, – если тронет он лапой – маятник остановится, и в ту же секунду все треснет, расколется, зазвенит и, как пыль, исчезнет, не станет ни зала, ни лунного света.

От страха у Никиты звенят в голове острые стекляшечки, сыплется песок мурашками по всему телу... Собрав всю силу, с отчаянным криком Никита кинулся на пол! И пол вдруг ушел вниз. Никита сел. Оглядывается. В комнате – два морозных окна, сквозь стекла видна странная, больше обыкновенной, луна. На полу стоит горшок, валяются сапоги.

«Господи, слава тебе, Господи!» – Никита наспех перекрестился и сунул голову под подушку. Подушка эта была теплая, мягкая, битком набита снами.

Но не успел он зажмурить глаза, видит – опять стоит на столе в том же зале. В лунном свете качается маятник, строго смотрят старичок со старушкой. И опять из-под дивана вылезает голова кота. Но Никита уже протянул руки, оттолкнулся от стола и прыгнул и, быстро-быстро перебирая ногами, не то полетел, не то поплыл над полом. Необыкновенно приятно лететь по комнате. Когда же ноги стали касаться пола, он взмахнул руками и медленно поднялся к потолку и летел теперь неровным полетом вдоль стены. Ближе у самого носа был виден лепной карниз, на нем лежала пыль, серенькая и славная, и пахло уютно. Потом он увидел знакомую трещину в стене, похожую на Волгу на карте, потом – старинный и очень странный гвоздь с обрывочком веревочки, обсаженный мертвыми мухами.

Никита толкнулся ногой в стену и медленно полетел через комнату к часам. Наверху футляра стояла бронзовая вазочка, и в вазочке, на дне, лежало что-то – не рассмотреть. И вдруг Никите точно сказали на ухо: «Возьми то, что там лежит».

Никита подлетел к часам и сунул было руку в вазочку. Но сейчас же из-за стены, из картины живо высунулась злая старушка и худыми руками схватила Никиту за голову. Он вырвался, а сзади из другой картины высунулся старичок, замахал длинной трубкой и так ловко ударил Никиту по спине, что тот полетел на пол, ахнул и открыл глаза.

Сквозь морозные узоры сияло, искрилось солнце. Около кровати стоял Аркадий Иванович, тряс Никиту за плечо и говорил:

– Вставай, вставай, девять часов.

Когда Никита, протирая глаза, сел на постели, Аркадий Иванович подмигнул несколько раз и шибко потер руки.

– Сегодня, братец ты мой, заниматься не будем.

– Почему?

– Потому, что потому оканчивается на «у». Две недели можешь бегать, высунув язык. Вставай.

Никита вскочил из постели и заплясал на теплом полу:

– Рождественские каникулы!

Он совсем забыл, что с сегодняшнего дня начинаются счастливые и долгие две недели. Приплясывая перед Аркадием Ивановичем, Никита забыл и другое: именно – свой сон, вазочку на часах и голос, шепнувший на ухо: «Возьми то, что там лежит».

Старый дом

На Никиту свалилось четырнадцать его собственных дней, – делай, что хочешь. Стало даже скучно немного.

За утренним чаем он устроил из чая, молока, хлеба и варенья тюрю и так наелся, что пришлось некоторое время посидеть молча. Глядя на свое отражение в самоваре, он долго удивлялся, какое у него длинное, во весь самовар, уродское лицо. Потом он стал думать, что если взять чайную ложку и сломать, то из одной части выйдет лодочка, а из другой можно сделать ковырялку, – что-нибудь ковырять.

Матушка, наконец, сказала: «Пошел бы ты гулять, Никита, в самом деле».

Никита не спеша оделся и, ведя вдоль штукатуренной стены пальцем, пошел по длинному коридору, где тепло и уютно пахло печами. Налево от этого коридора, на южной стороне дома, были расположены зимние комнаты, натопленные и жилые. Направо, с северной стороны, было пять летних, наполовину пустых комнат, с залом посередине. Здесь огромные изразцовые печи протапливались только раз в неделю, хрустальные люстры висели, окутанные марлей, на полу в зале лежала куча яблок, – гниловатый сладкий запах их наполнял всю летнюю половину.

Никита с трудом приоткрыл дубовую двустворчатую дверь и на цыпочках пошел по пустым комнатам. Сквозь полукруглые окна был виден сад, заваленный снегом. Деревья стояли неподвижно, опушив белые ветви, заросли сирени с двух сторон балконной лестницы пригнулись под снегом. На поляне синели заячьи следы. У самого окна на ветке сидела черная головастая ворона, похожая на черта. Никита постучал пальцем в стекло, ворона шарахнулась боком и полетела, сбивая крыльями снег с ветвей.

Никита дошел до крайней угловой комнаты. Здесь вдоль стен стояли покрытые пылью шкафы, сквозь их стекла поблескивали переплеты старинных книг. Над изразцовым очагом висел портрет дамы удивительной красоты. Она была в черной бархатной амазонке и рукою

в перчатке с раструбом держала хлыст. Казалось, она шла и обернулась и глядит на Никиту с лукавой улыбкой пристальными длинными глазами.

Никита сел на диван и, подперев кулаками подбородок, рассматривал даму. Он мог так сидеть и глядеть на нее подолгу. Из-за нее, – он не раз это слышал от матери, – с его прадедом произошли большие беды. Портрет несчастного прадеда висел здесь же, над книжным шкафом, – тощий остроносый старичок с запавшими глазами; рукою в перстнях он придерживал на груди халат; сбоку лежали полуразвернутый папирус и гусиное перо. По всему видно, что очень несчастный старичок.

Матушка рассказывала, что прадед обыкновенно днем спал, а ночью читал и писал, – гулять ходил только в сумерки. По ночам вокруг дома бродили караульщики и трескали в трещотки, чтобы ночные птицы не летали под окнами, не пугали прадедушку. Сад в то время, говорят, зарос высокой густой травой. Дом, кроме этой комнаты, стоял заколоченный, необитаемый. Дворовые мужики разбежались. Дела прадеда были совсем плачевны.

Однажды его не нашли ни в кабинете, ни в доме, ни в саду, – искали целую неделю, так он и пропал. А спустя лет пять его наследник получил от него из Сибири загадочное письмо: «Искал покоя в мудрости, нашел забвение среди природы».

Причиною всех этих странных явлений была дама в амазонке. Никита глядел на нее с любопытством и волнением.

За окном опять появилась ворона, осыпая снег, села на ветку и принялась нырять головой, разевать клюв, каркала, Никите стало жутковато. Он выбрался из пустых комнат и побежал на двор.

У колодца

Посредине двора, у колодца, где снег вокруг был желтый, обледенелый и истоптанный, Никита нашел Мишку Коряшонка. Мишка сидел на краю колодца и макал в воду кончик голицы – кожаной рукавицы, надетой на руку.

Никита спросил, зачем он это делает. Мишка Коряшонок ответил:

– Все кончанские голицы макают, и мы теперь будем макать. Она зажохнет, – страсть ловко драться. Пойдешь на деревню-то?

– А когда?

– Вот пообедаем и пойдем. Матери ничего не говори.

– Мама отпустила, только не велела драться.

– Как не велела драться? А если на тебя наскочат? Знаешь, кто на тебя наскочит, – Степка Карнаушкин. Он тебе даст, ты – брык.

– Ну, со Степкой-то я справлюсь, – сказал Никита, – я его на один мизинец пушу. – И он показал Мишке палец.

Коряшонок посмотрел, сплюнул и сказал грубым голосом:

– У Степки Карнаушкина кулак заговоренный. На прошлой неделе он в село, в Утевку, ездил с отцом за солью, за рыбой, там ему кулак заговаривали, лопни глаза – не вру.

Никита задумался, – конечно, лучше бы совсем не ходить на деревню, но Мишка скажет – трус.

– А как же ему кулак заговаривали? – спросил он.

Мишка опять сплюнул:

– Пустое дело. Перво-наперво возьми сажи и руки вымажи и три раза скажи: «Тани-бани, что под нами, под железными столбами?» Вот тебе и все...

Никита с большим уважением глядел на Коряшонка. На дворе в это время со скрипом отворились ворота, и оттуда плотной серой кучей выбежали овцы, – стучали копытцами, как костяшками, трясли хвостами, роняли орешки. У колодца овечье стадо сгрудилось. Блея и теснясь, овцы лезли к колоде, проламывали мордочками тонкий ледок, пили и кашляли. Баран, грязный и длинношерстый, уставился на Мишку белыми, пегими глазами, топнул ножкой, Мишка сказал ему: «Бездельник», – и баран бросился на него, но Мишка успел перескочить через колоду.

Никита и Мишка побежали по двору, смеясь и дразнясь. Баран погнался за ними, но подумал и заблеял:

– Саааами безде-е-е-ельники.

Когда Никиту с черного крыльца стали кричать – идти обедать, Мишка Коряшонок сказал:

– Смотри не обмани, пойдем на деревню-то.

Битва

Никита и Мишка Коряшонок пошли на деревню через сад и пруд короткой дорогой. На пруду, где ветром сдуло снег со льда, Мишка на минутку задержался, вынул перочинный ножик и коробку спичек, присел и, шмыгая носом, стал долбить синий лед в том месте, где в нем был внутри белый пузырь. Эта штука называлась «кошкой», – со дна пруда поднимались болотные газы и вмерзали в лед пузырями. Продолбив лед, Мишка зажег спичку и поднес к скважине, «кошка» вспыхнула, и надо льдом поднялся желтоватый бесшумный язык пламени.

– Смотри, никому про это не говори, – сказал Мишка, – мы на той неделе на нижний пруд пойдем кошки поджигать, я там одну знаю – громаднеющая, целый день будет гореть.

Мальчики побежали по пруду, пробрались через поваленные желтые камыши на тот берег и вошли в деревню.

В эту зиму нанесло большие снега. Там, где ветер продувал вольно между дворами, снега было немного, но между избами поперек улицы намело сугробов выше крыш.

Избенку бобыля, дурачка Савоськи, завалило совсем, одна труба торчала над снегом. Мишка сказал, что третьего дня Савоську всем миром выкапывали лопатами, а он, дурачок, как его завалило за ночь бураном, затопил печь, сварил пустых щей, поел и полез спать на печь. Так его сонного на печке и нашли, разбудили и оттащали за виски – за глупость.

На деревне было пусто и тихо, из труб кое-где курился дымок. Невысоко, над белой равниной, над занесенными ометами и крышами, светило мглистое солнце. Никита и Мишка дошли до избы Артамона Тюрина, страшного мужика, которого боялись все на деревне, – до того был силен и сердит, и в окошечке Никита увидел рыжую, как веник, бородину Артамона, – он сидел у стола и хлебал из деревянной чашки. В другое окошечко, приплюснув к стеклу носы, глядели три конопатых мальчика, Артамоновы сыновья: Семка, Ленка и Артамошка-меньшой.

Мишка, подойдя к избе, свистнул, Артамон обернулся, жуя большим ртом, погрозил Мишке ложкой. Трое мальчишек исчезли и сейчас же появились на крыльце, подпоясывая кушаками полушубки.

– Эх, вы, – сказал Мишка, сдвигая шапку на ухо, – эх, вы – девчонки... Дома сидите, – забоялись.

– Ничего мы не боимся, – ответил один из конопатых, Семка.

– Тятка не велит валенки трепать, – сказал Ленька.

– Давеча я ходил, кричал кончанским, они не обижаются, – сказал Артамошка-меньшой.

Мишка двинул шапку на другое ухо, хмыкнул и проговорил решительно:

– Идем дражнить. Мы им покажем.

Конопатые ответили: «ладно», и все вместе полезли на большой сугроб, лежавший поперек улицы, – отсюда за Артамоновой избой начинался другой конец деревни.

Никита думал, что на кончанской стороне кишмя кишит мальчишками, но там было пусто и тихо, только две девочки, обмотанные платками, втащили на сугроб салазки, сели на них, протянув перед собой ноги в валенках, ухватились за веревку, завизжали и покатались через улицу мимо амбарушки и – дальше по крутому берегу на речной лед.

Мишка, а за ним конопатые мальчишки и Никита начали кричать с сугроба:

– Эй, кончанские!

– Вот мы вас!

– Попрятались, боятся!

– Выходите, мы вас побьем!

– Выходите на одну руку, эй, кончанские! – кричал Мишка, хлопая рукавицами.

На той стороне, на сугробе, появилось четверо кончанских. Похлопывая, поглаживая рукавицами по бокам, поправляя шапки, они тоже начали кричать:

– Очень вас боимся!

– Сейчас испугались!

– Лягушки, лягушата, ква-ква!

С этой стороны на сугроб влезли товарищи – Алешка, Нил, Ванька Черные Уши, Петрушка – бобылев племянник и еще совсем маленький мальчик с большим животом, закутанный крест-накрест в материнский платок. С той стороны тоже прибыло мальчишек пять-шесть. Они кричали:

– Эй, вы, конопатые, идите сюда, мы вам ототрем веснушки!

– Кузнецы косоглазые, мышь подковали! – кричал с этой стороны Мишка Коряшонок.

– Лягушки, лягушата!

Набралось с обеих сторон до сорока мальчишек. Но начинать – не начинали, было боязно. Кидались снегом, показывали носы. С той стороны кричали: «Лягушки, лягушата!», с этой: «Кузнецы косоглазые!» То и другое было обидно. Вдруг между кончанскими появился небольшого роста, широкий курносый мальчик. Растолкал товарищей, с развалыцем спустился с сугроба, подбоченился и крикнул:

– Лягушата, выходи, один на один!

Это и был знаменитый Степка Карнаушкин с заговоренным кулаком.

Кончанские кидали сверху шапки, свистели пронзительно. На этой стороне мальчишки притихли. Никита оглянулся. Конопатые стояли насупясь. Алеша и Ванька Черные Уши подались назад, маленький мальчик в мамином платке таращил на Карнаушкина круглые глаза, готовился дать реву, Мишка Коряшонок ворчал, оттягивая кушак под живот:

– Не таких укладывал, тоже – невидаль. Начинать неохота, а то – рассержусь, я ему так дам – шапка на две сажени взовьется.

Степка Карнаушкин, видя, что никто не хочет с ним биться, махнул рукавицей своим:

– Вали, ребята!

И кончанские с криком и свистом посыпались с сугроба.

Конопатые дрогнули, за ними побежал Мишка, Ванька Черные Уши и, наконец, все мальчишки, побежал и Никита. Маленький в платке сел в снег и заревел.

Наши пробежали Артамонов двор и двор Черноухова и взобрались на сугроб. Никита оглянулся. Позади на снегу лежал Алешка, Нил и пять наших, – кто упал, кто лег сам со страха, – лежащего бить было нельзя.

Никите стало – хоть плачь – обидно и стыдно: струсили, не приняли боя. Он остановился, сжал кулаки и сейчас же увидел бегущего на него Степку Карнаушкина, курносого, большеротого, с вихром из-под бараньей шапки.

Никита нагнул голову и, шагнув навстречу, изо всей силы ударил Степку в грудь. Степка мотнул головой, уронил шапку и сел в снег.

– Эх, ты, – сказал он, – будя...

Кончанские сейчас же остановились. Никита пошел на них, и они подались. Перегоняя Никиту, с криком: «Наша берет!» – всею стеною кинулись на кончанских наши. Кончанские побежали. Их гнали дворов пять, куда все они не легли.

Никита возвращался на свой конец взволнованный, разгоряченный, посматривая, с кем бы еще схватиться. Его окликнули. За амбарушкой стоял Степка Карнаушкин. Никита подошел, Степка глядел на него исподлобья.

– Ты здорово мне дал, – сказал он, – хочешь дружиться?

– Конечно, хочу, – поспешно ответил Никита.

Мальчишки, улыбаясь, глядели друг на друга. Степка сказал:

– Давай поменяемся.

– Давай.

Никита подумал, что бы отдать ему самое лучшее, и дал Степке перочинный ножик с четырьмя лезвиями. Степка сунул его в карман и вытащил оттуда свинчатку – бабку, налитую свинцом:

– На. Не потеряй, дорого стоит.

Чем окончился скучный вечер

Вечером Никита рассматривал картинки в «Ниве» и читал объяснения к картинкам. Интересного было мало.

Вот нарисовано: стоит женщина на крыльце с голыми до локтя руками; в волосах у нее – цветы, на плече и у ног – голуби. Через забор скалит зубы какой-то человек с ружьем за плечами.

Самое скучное в этой картинке то, что никак нельзя понять – для чего она нарисована. В объяснении сказано:

«Кто из вас не видал домашних голубей, этих истинных друзей человека? (Далее про голубей Никита пропустил.) Кто поутру не любил бросать зернышки этим птицам? Талантливый немецкий художник, Ганс Вурст, изобразил один из таких моментов. Молодая Эльза, дочь пастора, вышла на крыльцо. Голуби увидели свою любимицу и радостно летят к ее ногам. Посмотрите – один сел на ее плечо, другие клюют из ее руки. Молодой сосед, охотник, любит украдкой на эту картину».

Никите представилось, что эта Эльза покормит, покормит голубей и делать ей больше нечего – скука. Отец ее, пастор, тоже где-нибудь в комнатке – сидит на стуле и зевает от скуки. А молодой сосед оскалился, точно у него живот болит, да так и пойдет, оскалась, по дорожке, и ружье у него не стреляет, конечно. Небо на картинке серое и свет солнца – серый.

Никита помуслил карандаш и нарисовал дочери пастора усы.

Следующая картинка изображала вид города Бузулука: верстовой столб и сломанное колесо у дороги, а вдалеке – дощатые домики, церковка и косой дождь из тучи.

Никита зевнул, закрыл «Ниву» и, подпершись, стал слушать.

Наверху, на чердаке, посвистывало, подвывало протяжно. Вот затянуло басом – «ууууу-уууууу», – тянет, хмурится, надув губы. Потом завитком перешло на тонкий, жалобный голос

и засвистело в одну ноздрю, мучится до того уж тонко, как ниточка. И снова спустилось в бас и надуло губы.

Над круглым столом горит лампа под белым фарфоровым абажуром. Кто-то тяжело прошел за стеной по коридору, – должно быть, истопник, и под лампой нежно зазвенели хрусталики.

Матушка склонила голову над книгой, волосы у нее пепельные, тонкие и выются на виске, где родинка, как просяное зерно. Время от времени матушка разрезывает листы вязальной спицей. Книжка – в кирпичной обложке. Таких книжек у отца в кабинете полон шкаф, все они называются «Вестник Европы». Удивительно, почему взрослые любят все скучное: читать такую книжку – точно кирпич тереть.

На коленях у матушки, положив мокрый свиной носик на лапки, спит ручной еж – Ахилка. Когда люди лягут спать, он, выпавшись за день, пойдет всю ночь топотать по комнате, стучать когтями, похрюкивать, понюхивать по всем углам, заглядывать в мышинные норы.

Истопник за стеной застучал железной дверцей, и слышно было, как мешал печь. В комнате пахло теплой штукатуркой, вымытыми полами. Было скучновато, но уютно. А тот, на чердаке, старался, насвистывал: «юу-юу-юу-юу-ю».

– Мама, кто это свистит? – спросил Никита.

Матушка подняла брови, не отрываясь от книги. Аркадий же Иванович, линовавший тетрадку, немедленно, точно того только и ждал, проговорил скороговоркой:

– Когда мы говорим про неодушевленное, то нужно употреблять местоимение «что».

«Бууууууууу», – гудело на чердаке. Матушка подняла голову, прислушиваясь, передернула плечами и потянула на них пуховый платок. Еж, проснувшись, задышал носом сердито.

Тогда Никите представилось, как на холодном темном чердаке нанесло снегу в слуховое оконце. Между огромных потолочных балок, засиженных голубями, валяются старые, продранные, с оголенными пружинами стулья, кресла и обломки диванов. На одном таком креслице, у печной трубы, сидит «Ветер»: мохнатый, весь в пыли, в паутине. Сидит смирно и, подперев щеки, воет: «Скуууучно». Ночь долгая, на чердаке холодно, а он сидит один-одинешенек и воет.

Никита слез со стула и сел около матушки. Она, ласково улыбнувшись, привлекла Никиту и поцеловала в голову:

– Не пора ли тебе спать, мальчик?

– Нет, еще полчаса, пожалуйста.

Никита прислонился головой к матушкину плечу. В глубине комнаты, скрипнув дверью, появился кот Васька, – хвост кверху, весь вид – кроткий, добродетельный. Разинув розовый рот, он чуть слышно мяукнул. Аркадий Иванович спросил, не поднимая головы от тетрадки:

– По какому делу явился, Василий Васильевич?

Васька, подойдя к матушке, глядел на нее зелеными, с узкой щелью, притворными глазами и мяукнул громче. Еж опять запыхтел. Никите показалось, что Васька что-то знает, о чем-то пришел сказать.

Ветер на чердаке завыл отчаянно. И в это время за окнами раздался негромкий крик, скрип снега, говор голосов. Матушка быстро поднялась со стула. Ахилка, хрюкнув, покатился с колен.

Аркадий Иванович подбежал к окну и, вглядываясь, воскликнул:

– Приехали!

– Боже мой! – проговорила матушка взволнованно. – Неужели это Анна Аполлосовна?.. В такой буран...

Через несколько минут Никита, стоя в коридоре, увидел, как тяжело отворилась обитая войлоком дверь, влетел клуб морозного пара и появилась высокая и полная женщина в двух шубах и в платке, вся запорошенная снегом. Она держала за руку мальчика в сером пальто с

блестящими пуговицами и в башлыке. За ними, стуча морозными валенками, вошел ямщик, с ледяной бородой, с желтыми сосульками вместо усов, с белыми мохнатыми ресницами. На руках у него лежала девочка в белой, мехом наверх, козьей шубке. Склонив голову на плечо ямщика, она лежала с закрытыми глазами, личико у нее было нежное и лукавое.

Войдя, высокая женщина воскликнула громким басом:

– Александра Леонтьевна, принимай гостей, – и, подняв руки, начала раскутывать платок. – Не подходи, не подходи, застужу. Ну и дороги у вас, должна я сказать – прескверные... У самого дома в какие-то кусты заехали.

Это была матушкина приятельница, Анна Аполлосовна Бабкина, живущая всегда в Самаре. Сын ее, Виктор, ожидая, когда с него снимут башлык, глядел исподлобья на Никиту. Матушка приняла у кучера спящую девочку, сняла с нее меховой капор, – из-под него сейчас же рассыпались светлые, золотистые волосы, – и поцеловала ее.

– Лилечка, приехали.

Девочка вздохнула, открыла синие большие глаза и вздохнула еще раз, просыпаясь.

Виктор и Лилия

Никита и Виктор Бабкин проснулись рано утром в Никитиной комнате и, сидя в постелях, насупясь глядели друг на друга.

– Я тебя помню, – сказал Никита.

– И я тебя отлично помню, – сейчас же ответил Виктор, – ты у нас в Самаре был один раз, ты еще тогда уткой с яблоками объелся, тебе касторки дали.

– Ну, этого что-то не помню.

– А я помню.

Мальчики помолчали. Виктор нарочно зевнул. Никита сказал пренебрежительно:

– У меня учитель, Аркадий Иванович, страшно строгий, задушил ученьем. Он какую угодно книжку может прочесть в полчаса.

Виктор усмехнулся.

– Я учусь в гимназии, во втором классе. Вот у нас так строго: меня постоянно без обеда оставляют.

– Ну, это что, – сказал Никита.

– Нет, это тебе не что. Хотя я могу тысячу дней ничего не есть.

– Эх, – сказал Никита. – Ты пробовал?

– Нет, еще не пробовал. Мама не позволяет.

Никита зевнул, потянулся:

– А я, знаешь, третьего дня Степку Карнаушкина победил.

– Это кто Степка Карнаушкин?

– Первый силач. Я ему как дал, он – брык. Я ему ножик перочинный подарил с четырьмя лезвиями, а он мне – свинчатку, – я тебе потом покажу.

Никита вылез из постели и не спеша начал одеваться.

– А я одной рукой Макарова словарь поднимаю, – дрожащим от досады голосом проговорил Виктор, но было ясно, что он уже сдается. Никита подошел к изразцовой печи с лежанкой, не касаясь руками, вспрыгнул на лежанку, поджал ногу и спрыгнул на одной ноге на пол.

– Если быстро-быстро перебирать ногами, – можно летать, – сказал он, внимательно поглядев в глаза Виктору.

– Ну, это пустяки. У нас в классе многие летают.

Мальчики оделись и пошли в столовую, где пахло горячим хлебом, сдобными лепешками, где от светло вычищенного самовара шел такой пар до потолка, что запотели окна. У стола сидели матушка, Аркадий Иванович и вчерашняя девочка, лет девяти, сестра Виктора, Лиля. Из соседней комнаты было слышно, как Анна Аполлосовна гудела басом: «Дайте мне полотенце».

Лилия была одета в белое платье с голубой шелковой лентой, завязанной сзади в большой бант. В ее светлых и вьющихся волосах был второй бант, тоже голубой, в виде бабочки.

Никита, подойдя к ней, покраснел и шаркнул ногой. Лилия повернулась на стуле, протянула руку и сказала очень серьезно:

– Здравствуйте, мальчик.

Когда она говорила это, верхняя губа ее поднялась.

Никите показалось, что это не настоящая девочка, до того хорошенькая, в особенности глаза – синие и ярче ленты, а длинные ресницы – как шелковые. Лилия поздоровалась и, не обращая больше на Никиту внимания, взяла обеими руками большую чайную чашку и опустила туда лицо. Мальчики сели к столу рядом. Виктор, оказывается, пил чай, как маленький, согнувшись над чашкой, – тянулся в нее длинными губами. Украдкой он подкладывал себе сахар до тех пор, пока в чашке стало густо, тогда томным голосом он попросил разбавить чай водичкой. Толкнув Никиту коленкой, он сказал шепотом:

– Тебе нравится моя сестра?

Никита не ответил и залился румянцем.

– Ты с ней осторожнее, – прошептал Виктор, – девчонка постоянно матери жалуется.

Лилия в это время окончила пить чай, вытерла рот салфеточкой, не спеша слезла со стула и, подойдя к Александре Леонтьевне, проговорила вежливо и аккуратно:

– Благодарю вас, тетя Саша.

Потом пошла к окну, влезла с ногами в огромное коричневое кресло и, вытащив откуда-то из кармана коробочку с иглками и нитками, принялась шить. Никита видел теперь только большой бант ее в виде бабочки, два висящих локона и между нимидвигающийся кончик чуть-чуть высунутого языка, – им Лилия помогает себе шить.

У Никиты были растеряны все мысли. Он начал было показывать Виктору, как можно перепрыгнуть через спинку стула, но Лилия не повернула головы, а матушка сказала:

– Дети, идите шуметь на двор.

Мальчики оделись и вышли на двор. День был мягкий и мгlistый. Красноватое солнце невысоко висело над длинными, похожими на снеговые поля, слоистыми облаками. В саду стояли покрытые инеем розоватые деревья. Неясные тени на снегу были пропитаны тем же теплым светом. Было необыкновенно тихо, только у черного крыльца две собаки, Шарок и Каток, стоя бок о бок и повернув головы, рычали друг на друга. Так они могли рычать, оскалась и захлебываясь, очень долго, покуда проходящий рабочий не бросит в них рукавицей, тогда они, кашляя от злобы, вставали на дыбки и дрались так, что летела шерсть. Других собак они боялись, ненавидели нищих и по ночам, вместо того чтобы караулить дом, спали под каретником.

– Что же мы будем делать? – спросил Виктор.

Никита глядел на косматую недовольную ворону, летевшую от гумна на скотный двор. Ему не хотелось играть, и было, непонятно почему, грустно. Он предложил было пойти в гостиную на диван и почитать что-нибудь, но Виктор сказал:

- Эх ты, я вижу, тебе с девчонками только играть.
- Почему? – спросил Никита краснея.
- Да уж потому, сам знаешь, почему.
- Вот тоже пристал. Ничего я не знаю. Пойдем к колодцу.

Мальчики пошли к колодцу, куда из открытых ворот выходили на водопой коровы. Вдалеке Мишка Коряшонок хлопал, как из ружья, огромным пастушьим кнутом и вдруг закричал:

- Баян, Баян, берегись, Никита!

Никита оглянулся. Отделившись от стада, к мальчикам шел Баян, розово-серый длинный бык с широким кудрявым лбом и короткими рогами.

«Му-у», – отрывисто замычал Баян и ударил хвостом себя по боку.

- Виктор, беги! – крикнул Никита и, схватив его за руку, побежал к дому.

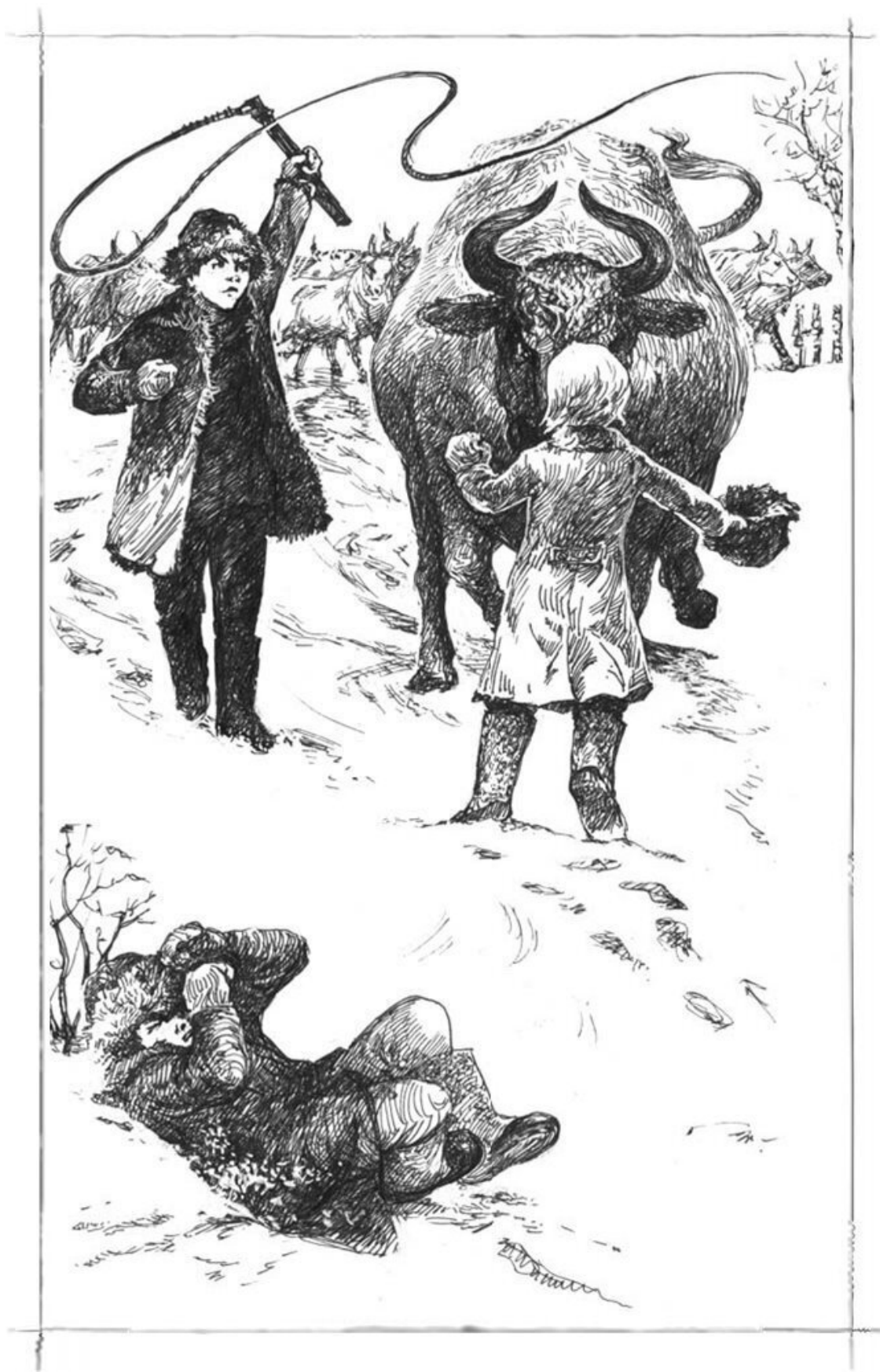
Бык рысью тронулся за мальчиками. «Муууу!»

Виктор оглянулся, закричал, упал в снег и закрыл голову руками. Баян был шагах в пяти. Тогда Никита остановился, стало вдруг горячо от злобы, сорвал шапку, подбежал к быку и шапкой стал бить его по морде:

- Пошел, пошел!

Бык стал, опустил рога. Сбоку подбегал Мишка Коряшонок, щелкая кнутом. Тогда Баян замычал жалобно, повернулся и пошел назад к колодцу. У Никиты от волнения дрожали губы. Он надел шапку и обернулся. Виктор был уже около дома и оттуда махал ему рукой. Никита невольно поглядел на окно – третье слева от крыльца. В окне он увидел два синих удивленных глаза и над ними стоящий бабочкой голубой бант. Лиля, взобравшись на подоконник, глядела на Никиту и вдруг улыбнулась. Никита сейчас же отвернулся. Он больше не оглядывался на окошко. Ему стало весело, он крикнул:

- Виктор, идем с гор кататься, скорее!

Все время до обеда, катаясь с гор, хохоча и «бесясь», Никита краешком мыслей думал:

«Когда буду возвращаться домой и пройду мимо окна, — оглянуться на окно или не оглядываться? Нет, пройду, не оглянусь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.